

## ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1

**А. В. Антошин**

*г. Екатеринбург, Россия*

### **СУДЬБА «КРУГА МАЯКОВСКОГО» В СТАЛИНСКОМ И ХРУЩЕВСКОМ СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ: ДАВИД БУРЛЮК И СОВЕТСКАЯ ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ в 1940-е – 1950-е гг.**

**АННОТАЦИЯ.** Статья посвящена контактам известного деятеля российского футуризма Д. Д. Бурлюка с представителями советской творческой интеллигенции в 1940–1950-е гг. Материалы статьи базируются преимущественно на фондах Российского государственного архива литературы и искусства и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Автор доказывает, что в сталинский и хрущевский периоды истории СССР продолжалось общение старых соратников по «кругу Маяковского», хотя политическая обстановка в стране и в мире оказывала существенное влияние на интенсивность и характер их переписки.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Д. Д. Бурлюк, Н. Н. Асеев, В. В. Маяковский, футуризм, «оттепель».

**A. V. Antoshin**

*Yekaterinburg, Russia*

### **THE FATE OF THE "CIRCLE OF MAYAKOVSKY" IN STALIN'S AND KHRUSHCHEV'S SOVIET UNION: DAVID BURLIUK AND THE SOVIET INTELLECTUALS in the 1940s – 1950s**

**ABSTRACT.** This paper explores the contacts between a famous Russian Futurist D.D.Burlyuk and the members of Soviet artistic community in 1940s–1950s. The research presented here is based mostly on the archives of The Russian State Archive of Literature and Arts and the Collection of Manuscripts of the Russian State Library. The author argues that communication between former members of “Mayakovsky circle” continued throughout Stalin’s and Khrushchev’s periods in Soviet history, even though political situation in USSR and abroad influenced heavily the frequency and the character of their correspondence.

**KEYWORDS:** D. D. Burlyuk, N. N. Aseyev, V. V. Mayakovsky, Futurism, Thaw.

Тема «Русская революция и культура» неразрывно связана с личностью В. В. Маяковского. В Советском Союзе его фигура была окружена ореолом классика, однако именно это зачастую препятствовало серьезному, беспристрастному изучению судьбы его наследия после трагической гибели поэта. «За кадром» нередко оставался и тот факт, что судьбы его друзей и соратников революционных лет сложились очень по-разному.

Особое место в «круге Маяковского» занимал известный художник и поэт Д. Д. Бурлюк, один из основоположников

русского футуризма. Показательна характеристика Д. Д. Бурлюка, данная ему самим В. В. Маяковским в 1928 г.: «Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель» [3, с. 20]. Д. Д. Бурлюк представлял собой тип представителя российской левой интеллигенции, воспринявшей события Октября 1917 г. как начало процесса подлинно революционных преобразований во все сферах жизни и прежде всего как исходную точку формирования нового искусства. Трагедия этих людей состояла в том, что реальное развитие советского общества в

## ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

1920-1930-е гг. пошло по линии все большего ограничения творческой свободы, доминирования социалистического реализма, который воспринимался футуристами как возвращение к консервативным направлениям в искусстве. Во многом это вынудило Д. Д. Бурлюка уехать в США. Однако он продолжал рассматривать себя в качестве проводника идей нового искусства, пропагандиста социалистического общества в капиталистическом мире. Позитивным оставалось его общее отношение к проводимым в СССР преобразованиям. На наш взгляд, вполне искренни его слова о «Великой Стране Сталина» в письме в 1947 г. знаменитому советскому борцу, чемпиону мира И. М. Заикину (Д. Д. Бурлюк был знаком с ним со времен Гражданской войны), которому он завидовал: «Советская власть заботится о Вас! Счастливы!» [13, л. 2].

Д. Д. Бурлюк был такой заметной личностью среди просоветски настроенных российских эмигрантов в США, что ему посвятил строки в своих мемуарах даже столь видный деятель советской дипломатии, как А. А. Громыко. Работая в советском посольстве в США, он неоднократно встречался с другом В. В. Маяковского, который бывал на всех приемах в посольстве в годы Второй мировой войны. Характеризуя этого человека, многолетний министр иностранных дел СССР выразил общее мнение своих коллег, заметив: «У советских товарищей, которые встречались с ним в США, сложилось твердое убеждение, что это человек, которого социальная буря перенесла на чуждую ему почву» [2, с. 145].

Видимо, благодаря занятой им в годы войны позиции Д. Д. Бурлюк получил возможность поддерживать связь со своими оставшимися в Советском Союзе друзьями. Так, в 1947 г. возобновилась прерванная в середине 1930-х гг. переписка соратников В. В. Маяковского Д. Д. Бурлюка и В. В. Каменского, друживших еще с дореволюционных времен. В архивном фонде известного советского поэта В. В. Каменского, хранящемся в РГАЛИ, присутствует большой комплекс его переписки с Д. Д.

Бурлюком в 1920-е - середине 1930-х гг. Следующее письмо в деле датировано 1947 г. О том, что причиной такой ситуации является не плохая степень сохранности документов фонда, а отсутствие в течение длительного времени переписки между двумя футуристами, свидетельствует содержание первого письма за 1947 г., в котором Д. Д. Бурлюк рассказывает другу обо всем, что произошло с ним за предыдущие десять лет, отмечая: «О тебе я запросил у Хрущевой, ибо найти старые адреса очень трудно» [11, л. 33]. Таким образом, можно сделать вывод, что только в первые послевоенные годы появилась возможность для возобновления переписки между ними.

Возможно, это связано с тем, что подобные Д. Д. Бурлюку представители левой интеллигенции США предприняли немало усилий для того, чтобы изменить негативный образ Советского Союза, сложившийся у многих американцев, убедить их в том, что необходимо воспринимать И. В. Сталина как надежного партнера по антигитлеровской коалиции.

Вместе с тем, анализ документов фонда В. В. Каменского показывает, что после возобновления переписки с Д. Д. Бурлюком она все же не достигла той степени интенсивности, что в 1920-е гг. Очевидно, здесь сыграл свою роль длительный перерыв в общении старых друзей, уже много лет не встречавшихся между собой, а также, возможно, то обстоятельство, что сохранялась определенная опасность для В. В. Каменского использования этой переписки советскими спецслужбами в своих целях. Характерно, что Д. Д. Бурлюк в своих письмах стремился продемонстрировать симпатии к Советскому Союзу, доказать свою непричастность к лагерю антикоммунистической эмиграции. Называя СССР «страной Великого Сталина», он заявлял: «всегда принадлежал и принадлежу к левому крылу американской интеллигенции, ... много писал стихов в честь Родины, во славу СССР» [11, л. 32-33]. На наш взгляд, Д. Д. Бурлюк был искренен в этих оценках, однако, одновременно они служи-

## ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ли обоснованием допустимости связей с ним для советского гражданина, каким являлся В. В. Каменский.

В конце 1940-х гг. Д. Д. Бурлюк переписывался и с другим своим соратником по «кругу Маяковского» - Н. Н. Асеевым, через которого поддерживал связь и с А. Е. Крученых [8, л. 1]. Поддерживал он контакты и с дипломатическими представителями СССР, в 1947 г. советский посол в Мексике даже устраивал в честь друга В. В. Маяковского небольшой прием, на котором, по словам художника, «был очень любезен» [8, л. 1]. На наш взгляд, именно положение ближайшего соратника В. В. Маяковского делало Д. Д. Бурлюка особой фигурой для руководства СССР и расширяло возможности для сотрудничества с ним советских граждан.

Смерть И. В. Сталина в 1953 г. и начало процесса десталинизации привели к тому, что «железный занавес» стал менее прочным. Значительно более интенсивными стали контакты Д. Д. Бурлюка с советской творческой интеллигенцией. Проведенное нами изучение фондов РГАЛИ показало, что среди его корреспондентов в это время – писатели И. Г. Эренбург и Л. А. Кассиль, художник В. В. Мешков, публицист Д. И. Заславский, литературовед М. Я. Аплетин, биограф В. Хлебникова Н. Л. Степанов [9, л. 189; 12, л. 1; 14, л. 1; 15, л. 32; 16, л. 11; 17, л. 1-2] и др. Продолжились и стали более активными контакты Д. Д. Бурлюка с его соратниками по российскому футуризму первой четверти XX в., в частности, с А. Е. Крученых, который получал через своего американского друга книги по искусству, изданные на Западе [10, л. 2]. Наиболее тесной по-прежнему была связь Д. Д. Бурлюка с Н. Н. Асеевым, с помощью которого российский эмигрант пытался организовать издание в СССР сборника своих стихов. Однако препятствия этой акции в руководстве Союза писателей СССР в середине 1950-х гг. были весьма велики, и Н. Н. Асеев вынужден был признать в письме к другу: «Я сделаю все, что в моих силах,

для твоего издания, но сил-то очень немного!» [4, л. 11].

Вместе с тем, анализ переписки Д. Д. Бурлюка показывает, что годы эмиграции существенно уменьшили степень понимания и духовной близости между старыми соратниками по «кругу Маяковского». Д. Д. Бурлюк нередко отмечал, что его товарищи в СССР с трудом шли на контакт с ним. Очевидно, здесь играло роль его положение гражданина США, отношения с которыми продолжали оставаться напряженными и в 1950-1960-е гг. Важно и то, что Д. Д. Бурлюк продолжал открыто отстаивать свою приверженность идеям футуризма – направления, оппозиционного социалистическому реализму. В одном из писем он с горечью отмечал, что именно преследуемые в СССР футуристы «обслуживали» большевизм в 1917-1920 гг., когда «все старое искусство большевизма не приняло». А в итоге к середине 1950-х гг. определяющими в советской литературе стали, по его выражению, идеи «помещика Самарской губернии А. Н. Толстого» [6, л. 1-3].

Давним желанием Д. Д. Бурлюка было совершить поездку на Родину. Это стало возможным в период «оттепели», когда развивается иностранный туризм в СССР. Однако, Д. Д. Бурлюк стремился приехать в СССР «не по-буржуйски, а в качестве друга-учителя Маяковского». В письме Н. Л. Степанову он указывал, что основным препятствием для такой поездки являлась именно его приверженность футуризму, который «все еще служит темой и все еще ломают свои копья... для своей личной выгоды над героями былого» [17, л. 9]. В 1956 г. во многом благодаря Л. Ю. Брик поездка Д. Д. Бурлюка в СССР все-таки состоялась, в ходе нее прошли встречи эмигранта с Н. Н. Асеевым, К. И. Чуковским и другими старыми товарищами. Однако эта поездка показала, что Д. Д. Бурлюк и оставшиеся в СССР деятели культуры с трудом находили общий язык. Найденный нами в одном из архивных фондов дневник супруги футуриста

## ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

М. Н. Бурлюк свидетельствует о том, что американских гостей раздражала идеализация Запада, характерная для советской интеллигенции. М. Н. Бурлюк отмечала, что в СССР все хотели «слушать наши рассказы об Америке». Некритично воспринималась большинством собеседников М. Н. и Д. Д. Бурлюков и столица Франции, образ которой был далек от реальности: «Только в Париже можно работать, там воздух, свет лучающийся, там улицы... Я слушаю и думаю о Париже – май, жара, пыль, раздраженные гарсоны» [5, л. 4]. Вторично Д. Д. Бурлюк побывал в Советском Союзе в 1965 г.

После возвращения в США Д. Д. Бурлюк продолжал предпринимать попытки укрепить контакты с друзьями и коллегами в СССР, однако анализ его переписки оставляет впечатление, что инициативы поэта далеко не всегда положительно воспринимались Н. Н. Асеевым, А. Е. Крученых и др. Складывается ощущение, что некоторые деятели советской культуры опасались связей с поэтом-эмигрантом. Кроме этого, важную роль играло и то, что воспоминания о совместной работе с В. В. Маяковским в годы революции и Гражданской войны все дальше уходили в прошлое. Эмиграция Д. Д. Бурлюка привела к тому, что он приобрел иной опыт, чем его друзья, его развитие как поэта и человека происходило в принципиально отличных от СССР условиях.

Характерно письмо Н. Н. Асеева – самого духовно близкого к Д. Д. Бурлюку человека из представителей советской ин-

теллигенции времен «оттепели», написанное в 1957 г.: «Я не в обиде и не сержусь на то, что ты меня разучился видеть... Я помню и знаю многие твои стихи, но пойми, что судьбы у нас разные и краткая дружба во Владивостоке и Харбине и прошлым летом в Москве – это не целая твоя и не целая моя связанная неразрывной цепью жизнь. Тебе из твоего далека я показался уже не тем, чем был раньше, а я и раньше был не тем, чем тебе казался» [7, л. 4]. Факт эмиграции существенно затруднял контакты даже между теми деятелями культуры, которые в прошлом были друзьями.

«Круг Маяковского» давно распался. Друзья поэта жили по разные стороны океана, очевидно, по-разному оценивая многие явления в искусстве и мире в целом. Однако в чем-то Н. Н. Асеев и Д. Д. Бурлюк были едины. Они оба выступали против мифологизации личности своего покойного друга, рассматривая это именно как отход от тех идеалов, которым был верен сам В. В. Маяковский. Вполне определенно об этом написал Н. Н. Асеев: «Нанесли мы венков – ни пройти, ни проехать, раскатали стихов долговзвучное эхо. Удивлялись глазастости, гулкости баса; называли певцом победившего класса... А тому Новодевичий вид не по нраву: не ему посвящал он стихов своих славу... Разве сердце, гремевшее быстро и бурно, успокоила б эта безмолвная урна? Разве плечи такого тугого размаха уместились бы в этом вместилище праха?» [1]. Его американский друг был с ним согласен.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев Н. Памятник. – URL: [http:// www.stihi-rus.ru](http://www.stihi-rus.ru) (Дата обращения: 24.03.2017).
2. Громыко А. А. Памятное. М., 1988. Кн. 1.
3. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 1.
4. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 372, карт. 10, ед.хр. 10.
5. ОР РГБ, ф. 372, карт. 10, ед.хр. 35.
6. ОР РГБ, ф. 372, карт. 3, ед.хр. 5.
7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 28, оп. 1, д. 155.
8. РГАЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 197.
9. РГАЛИ, ф. 1204, опись дел.
10. РГАЛИ, ф. 1334, оп. 1, д. 113.

---

---

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ**

---

---

11. РГАЛИ, ф. 1497, оп. 1, д. 184.
12. РГАЛИ, ф. 2190, оп. 2, д. 86а.
13. РГАЛИ, ф. 2347, оп. 1, д. 7.
14. РГАЛИ, ф. 2619, оп. 1, д. 38.
15. РГАЛИ, ф. 2846, опись дел.
16. РГАЛИ, ф. 2876, опись дел.
17. РГАЛИ, ф. 3112, оп. 1, д. 65.